

И.В. Ружицкий, Е.В. Потемкина (Москва, Россия)

Достоевский в восприятии носителя иной культуры: интерпретационные константы. Статья 1. Прологомены

Аннотация: В статье делается попытка систематизации материала, связанного с рецепцией произведений Ф.М. Достоевского инофонами, рассматриваются реинтерпретации, вторичные тексты различного типа, посвященные творчеству писателя, – филологические исследования, художественные фильмы, телесериалы, театральные постановки, комиксы, компьютерные игры, учебники русского языка для иностранцев, результаты пилотных опросов и др. Даются теоретические обоснования проблемы понимания и восприятия художественного текста носителем иной культуры, ключевыми понятиями служат «презумпция неполного понимания» и «презумпция негативной оценки». С целью обобщения довольно обширного материала вводится термин «интерпретационная константа». Интерпретационные константы – это выраженные в сжатой форме генерализованные высказывания типа «Изучение человека – главная тема творчества Достоевского»; «Богоискательство – основная тема его творчества»; «Главной силой зла у Достоевского выступает женщина»; «Любил смерть, страдание больше, чем жизнь»; «Страдание в русском мире объединяет людей»; «Все поступки героев обусловлены либидо» и т. п. В общем виде обозначена методика выявления интерпретационных констант и их интерпретации. Интерпретационные константы обладают прогнозирующей силой, их классификация позволяет определить возможные тенденции развития достоевистики – как зарубежной, так и отечественной. Предполагается, что конкретизация представленных в публикации положений будет осуществлена в последующих статьях соответствующего цикла.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, носитель иной культуры, Достоевский, презумпция неполного понимания, презумпция негативной оценки, интерпретационная константа

I.V. Ruzhitsky, E.V. Potemkina (Moscow, Russia)

Dostoevsky in the Perception of a Bearer of Another Culture: Interpretative Constants. Article 1. Prolegomena

Abstract: The article attempts to systematize the material related to the reception of Fedor M. Dostoevsky's works by foreign speakers, examines reinterpretations, secondary texts of various types devoted to the writer's creative works – philological studies, feature films, TV series, theatrical productions, comics, computer games, textbooks of the Russian

language for foreigners, the results of pilot surveys, etc. Theoretical substantiations of the problem of understanding and perception of a literary text by a bearer of a different culture are given, the key concepts of which are “the presumption of incomplete understanding” and “the presumption of a negative assessment”. In order to generalize the material the term “interpretative constant” is introduced. Interpretative constants are generalized statements expressed in a concise form such as “The study of a man is the main theme of Dostoevsky’s works”; “God-seeking is the main theme of his works”; “The main force of evil is a woman”; “He loved death, suffering more than life”; “Suffering in the Russian world unites people”; “All the actions of the heroes are conditioned by libido”, etc. Generally, the method of identifying the interpretative constants and their interpretation is indicated. Interpretative constants have the predictive effect, their classification allows us to determine possible trends in the development of Dostoevistics, both foreign and domestic. It is assumed that the specification of the material presented in the publication will be carried out in the subsequent articles of the cycle.

Key words: intercultural interaction, bearer of another culture, Dostoevsky, presumption of incomplete understanding, presumption of negative assessment, interpretative constant

Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно,
если иностранец разделяет со мною это чувство.

А.С. Пушкин

Самый умный немец, когда начнет говорить о России, непременно
окажется глупцом.

Ф.И. Тютчев

Это недоумение Европы насчет России усиливается до болезни, а между тем ничего не разрешается: «Кто же и что же это, наконец, такое, и когда мы это, наконец, узнаем? Кто они, эти русские? Азияты, татары? хорошо, кабы так, по крайней мере, дело стало бы ясно; но нет; то-то и есть, что нет, то-то и есть, что про себя мы должны сознаться, что нет. <...>»

Ф.М. Достоевский

Тема восприятия творчества Достоевского, в том числе инофонами, – одна из самых популярных в достоевистике, популярнее разве что «Достоевский и кто-то (Пушкин, Толстой, Тургенев, Шопенгауэр, Ницше, Сведенборг.. и даже Высоцкий)», т. е. какие-то исследования сравнительно-сопоставительного характера, в том числе в русле теории интертекстуальности, ставящие своей целью поиски аллюзий, параллелей, заимствований и др. Сверхпопулярность таких научных направлений, при всей их несомненной важности, часто ведет в никуда, происходит бесконечное производство и воспроизводство вторичных текстов: Текст_1 (Достоевский) → Текст_2 (критическая работа о Достоевском) → Текст_3 (работа о критической работе) и т. п. Диссертации, монографии, статьи, посвященные творчеству Достоевского, по объему уже в десятки тысяч раз превышают то, что было создано самим писателем. А еще мемуары и отзывы о Достоевском его современников, труды, направленные на изучение переводов текстов писателя на другие языки, исследования об особенностях рецепции Достоевского, отражен-

ных в различных реинтерпретациях Достоевского, – в фильмах, театральных постановках, комиксах, реплики известных зарубежных писателей, ученых (далеко не только филологов), политиков, религиозных деятелей, рядовых читателей и т. д. Создано и продолжает создаваться огромное количество вторичных текстов, в результате образуется информационный шум, энтропия – «стремление к беспорядку, к саморазрушению», – явление для любой гуманитарной (и не только) науки, в общем-то, вполне типичное, если не естественное. Как одно из последствий – периодически возникающее, особенно в последнее, «рациональное» время, пустословие относительно необходимости преподавания литературы в школе, особенно чтения произведений русской классики, в первую очередь, кстати сказать, Достоевского. Деятельность «экспериментаторов», предлагающих исключить из школьного образования классиков, в настоящей статье не обсуждается, это момент весьма и весьма спорный, например против включения «Слова о полку Игореве» в «Читальник» выступал и сам Достоевский: «Да чем может быть занимательно “Слово о полку Игореве” *теперь* народу? Ведь оно занимательно для одних ученых и, положим, для поэтов; но и на поэтов-то наиболее действует древняя форма поэмы» [Достоевский 1979: 40].

Тем не менее не может не возникнуть вопрос – а чем может быть полезен данный материал, устремляющийся куда-то в бесконечность? О восприятии Достоевского в иностранной критике сказано очень много, так много, что это стало отдельным направлением достоевистики. Смысл, целесообразность такого рода исследований, а также различных научных форумов, симпозиумов, конференций, организуемых чаще всего для отчета, для «галочки», представляется весьма туманным, если не сомнительным. По крайней мере до тех пор, пока не будут обозначены какие-то их векторы, обозначены и систематизированы.

Само название настоящей статьи вызывает некоторые сомнения: «А что, разве иностранный читатель понимает (точнее – не понимает) у Достоевского или у других русских писателей, в том числе и современных, не так, как русский читатель?» Если рассматривать обозначенный выше вопрос по оценочной шкале, то и русский, и иностранный читатель скажет «люблю / не люблю»: люблю, к примеру, идеи, мысли, сюжет; или: Достоевского просто надо знать, потому что – классика, символ России, русской культуры, модно... А не люблю потому, что слишком много страдают, большое число убийств и самоубийств, очень сложный язык и т. д. Мнение относительно сложности языка Достоевского далеко не однозначное, с уверенностью можем сказать, что иностранцы, владеющие русским языком на уровне В2 и выше, с бóльшим трудом читают и понимают, скажем, «Капитанскую дочку», чем такого же объема отрывок из «Преступления и наказания».

Н.А. Рубакин, основатель библиопсихологии, писал о трех возможностях непонимания текста, которые назвал «законом Гумбольдта-Потебни» – по имени ученых, впервые высказавших идею о том, что понимание зависит от расы, момента и окружающей среды (по сути, Н.А. Рубакин развивает закон И. Тэна) (см. [Рубакин 1977]). О схожих причинах возникновения непонимания текста говорил и А.Ф. Лосев: «Одно и то же предметное содержание слова разные народы понимают по-разному, в среде народа по-разному понимают разные индивидуумы, в среде индивидуума понимание разнится по разным временным моментам и условиям» [Лосев 2009: 108, 121]. То есть две возможности непонимания, или искаженного, дефектного понимания, или неполного понимания носят субъективный характер, заключающийся в том, что человек меняется, даже в течение одно-

го дня, отсюда может измениться и характер восприятия им какого-либо текста, не только художественного, и что все люди отличаются друг от друга, вследствие чего одинаково понимать что-либо они не могут. Причиной третьей возможности непонимания является то, что люди (например, автор и читатель) могут принадлежать к различному культурному пространству, причем не только национально-культурному. Существование различных научных направлений (например, применительно к дostoевистике, – литературно-критические школы Германии, Франции, Великобритании, США, Японии и др.) тоже, несомненно, обусловит различие в интерпретации того или иного текста. Таким образом, то, в какое культурное пространство включается инокультурный текст, во многом повлияет и на понимание этого текста. Так, в книге японского автора Накамуры Кэнноскэ мы находим повторяющиеся ссылки типа:

Японские читатели знакомы со сказкой «Мышьные лепешки», в которой рассказывается о мышках и их подземном мире. И такие рассказы могут показаться им забавными. Но вот рассказ, в котором покойники разговаривают в гробах [«Бобок»], или же повествование о том, как автор беседует с покойником, причем это не «дух» или «привидение», а полуистлевший труп, вызовет у японца только чувство омерзения [Накамура 2011: 154].

Однако японского читателя очень сильно привлекает тема самоубийства в творчестве Достоевского, а также сосредоточенность писателя на внутреннем мире человека. Садаеси Игэта заметил: «Японские читатели и писатели повторяют диалоги с Достоевским, размышляя о самом себе или о нашем обществе» (цит. по: [Чанцев: URL]). Важно то, в какое культурное пространство и в какое ассоциативное поле «попадает» инокультурный текст, т. е. какие ассоциации, обусловленные особенностями национальной культуры и другими факторами, он пробуждает у читателя.

Приведем дополнительные примеры включения Накамурой Кэнноскэ текста Достоевского в «родное» культурное пространство:

Чувство вины приводит к желанию избавиться от него. Как явствует из многих произведений (начиная с рассказа «Ночь в поезде на Млечном Пути») японского поэта и прозаика Миядзава Кэндзи (1896–1933), его, как и Достоевского, мучило врожденное чувство вины. Он желал быть приниженным, хотел, чтобы его называли болваном – чтобы уничтожить это чувство вины. Но Миядзава Кэндзи все-таки отличался основательностью, он не терял чистого стремления к самосовершенству и способности трезво оценивать свои поступки. Чувство юмора и забавного у него отсутствовало. Он желал жить ради других, но он твердо осознавал свои и чужие интересы, и осознавал свою отдельность. Он был готов и к действию, ибо считал, что одних идеалов недостаточно для того, чтобы называться настоящим человеком [там же: 194]; Как показывают аналогичные дела [имеется в виду «нечаевское дело»] (в том числе дела группы «Объединенная красная армия» в Японии), в них бывают задействованы люди преувеличенно цельные и энергичные, там не находится места для людей, вяло сочувствующих делу [там же: 248]; В «Преступлении и наказании» Лизавета предсказывает судьбу Раскольникова. В «Бесах» такую же роль по отношению к молодым героям романа играет Мария Лебядкина. Юродивая Мария, так же, как и Лизавета, – продукт глубоко укорененных народных верований. Их можно сопоставить с японскими шаманками-прорицательницами (*мико*); Оборот «мать сыра земля» – как обращение к божественным силам – был в то время вполне распространенным. Отец Николай Касаткин, проповедник

Рис. 1. Орландо Блум читает Достоевского (кадр из к/ф «Нью-Йорк, я люблю тебя»)

православия в Японии и основатель Воскресенского собора в районе Канда в Токио, в своем дневнике (1 января 1872), жалуясь на свое одиночество, восклицал: «Для чего ты не приняла меня, мать сыра земля?» [там же: 266]

Все сказанное выше, безусловно, не исключает вероятности существования общего восприятия, его инварианта.

При «встрече» двух культур возможны следующие случаи: 1) культуры имеют между собой нечто общее, 2) культуры чем-то похожи, но в этом сходстве есть определенные различия, 3) представления, взгляды, видение мира носителей разных национальных культур полностью противоположны. Названные три возможности межкультурного взаимодействия мы обозначаем как область контакта, полной интерференции («Это то же самое, что и у нас»); зона неполной интерференции («Похоже, но не совсем так»); зона конфликта («У вас всё совсем иначе, я в этой стране никогда не смогу жить») [Ружицкий 2008: 5]. Соответственно, существуют следующие стимулы к знакомству с другой культурой: «Мне интересно, потому что очень похоже на то, что есть в моей родной стране»; «Да, мы похожи, но все-таки мы разные, что-то нас различает, и это интересно»; «Здесь всё совсем не так, как у нас, вот почему интересно» (см. [там же: 5–6]). Кроме того, при межкультурном взаимодействии существуют две разнонаправленные тенденции – первая заключается в стремлении к знакомству с другой культурой, в желании понять ее и через такое знакомство осмыслить родную культуру. Несмотря на все межкультурные различия такое понимание возможно прежде всего благодаря существованию общечеловеческих этических ценностей (см., например, [Швейцер 1973]). Суть другой, противоположной тенденции состоит в возможности существования двух презумпций (от лат. *praesumptio* – ‘предположение’, т. е. то, что изначально считается истинным, пока не будет доказано обратное): презумпции неполного понимания и презумпции негативной оценки. Презумпция неполного понимания заключается в том, что к другой культуре мы всегда подходим, уже гипотетически предполагая, что в ней что-то окажется для нас непонятным. Презумпция негативной оценки означает, что человек всегда, сознательно или неосознанно, так или иначе настороженно или даже враждебно относится к другой культуре: «Инонациональный наблюдатель, носитель других культурных традиций всегда склонен смотреть на чужую культуру, язык, национальные особенности с позиций превосходства, и поэтому одну и ту же черту психического склада, свойственную и своему и чужому этносу, он может расценивать по-разному» [Караулов 2004: 41]. Презумпция негативной оценки – это изначально представление о том, что носитель иной культуры не так жиеёт, не так любит, не так умирает и другие «не так». Именно здесь кроется одна из причин непонимания иных культурных ценностей и их неадекватной оценки [Ружицкий 2008: 8–9].

Чем может быть интересна тема восприятия Достоевского носителями иной культуры? Конечно, это позволит (может позволить) обнаружить то, чего нет в восприятии Достоевского русским читателем, – через, так сказать, взгляд со стороны, с позиций иной культуры, т. е. с позиций сложившихся в другой инокультурной среде системы представлений и ценностных ориентиров. В предисловии одной из монографий, посвященных рецепции произведений Достоевского во французской критике, мотивировка таких исследований объясняется следующим образом: «...нам важно было продемонстрировать возможности иновидения тех проблем, которые действительно решал в своем творчестве русский писатель и в отношении которых существуют те или иные формы консенсуса в российском ли-

тературоведении. “Безумие”, “Двойник”, “Деньги”, “Идиот”, “Нигилизм”, “Подполье” – все эти темы хорошо изучены, но французский флер, которым они подернуты в работах ученых Франции, интересен <...> не столько как декоративный или экзотический элемент, сколько как форма иной семантической ауры, иной семантической констелляции, в свете которой обычное, привычное, родное приобретает такой вид, что может обернуться “беспокойной чужестранностью <...>» [Достоевский во Франции 2022: 12].

Однако чаще всего, если мы, например, изучаем написанное Т. Манном о Достоевском, то познаем Манна, особенности его взглядов, но не особенности мировоззрения Достоевского. Или целью может стать показ величия Достоевского во всем мире, своего рода национальная гордость. Только мы и так, без Томаса Манна и других иностранных почитателей Достоевского знаем, что Достоевский – великий. Даже если по каким-либо причинам и не любим его.

В данной работе, первой из цикла статей, посвященных восприятию Достоевского инофонами, схематически обрисовывается общая методология исследования, а также дается общее представление о материале, на основе которого оно проводится. Хотелось бы найти какие-то обобщенные векторы, направления, в которые укладывался бы весь материал, касающийся рецепции текстов Достоевского инокультурным читателем. Это, на наш взгляд, можно сделать в результате комплексного анализа различных источников материала: критических работ, фильмов, театральных постановок, комиксов, результатов опроса инофонов и т. д. Такие векторы, архетипы (стереотипы) восприятия, должны быть сформулированы очень краткими, обычно до семи знаменательных слов, генерализованными высказываниями: «В науке и науковедении существует такое негласное мнение, что любую идею, будь то не имеющее аналогов открытие, беспрецедентное изобретение или даже просто результат нового системного обобщения ранее известных вещей, можно изложить, используя для этого всего семь слов-понятий» [Караулов 2006: 42].

Для обозначения архетипов (доминант, стереотипов, максим) восприятия предлагается использовать термин «интерпретационная константа» (далее – ИК) – изложенная в сжатом виде идея, мысль, направление исследования, оценочное суждение и т. п. относительно творчества Достоевского (или – шире – вообще касательно какого-либо инокультурного феномена). Например: *Достоевский – талантливый, но жестокий писатель*^{к.ф.т.}. Формулировка «жестокий талант» Н.К. Михайловского была быстро подхвачена критиками Достоевского, в том числе и западными, в основу интерпретаций которых легли такие слова-понятия, как ‘боль’, ‘страдание’, ‘садизм’ и т. п. Отсюда и проведение параллелей между Достоевским и маркизом де Садам и т. д.

Верхним индексом указан источник материала (полный перечень источников материала дается в списке использованной литературы), из которого выводится ИК: *к* – литературная критика, результаты филологических исследований, *ф* – кинематограф, художественные фильмы, *т* – театральные постановки и рецензии на спектакли, *а* – анимация, мультипликационные фильмы, *э* – ассоциативный эксперимент, опрос (иностраных читателей Достоевского, студентов, изучающих русский язык, и др.), *м* – манга, комиксы, мемы, *п* – выступление политика или религиозного деятеля, *и* – компьютерная игра, *у* – учебное пособие, *фил* – мнение философа или писателя. Логичным будет предположение о том, что чем больше количество источников материала разного типа, из которых выводится одна

константа, тем выше степень константности той или иной ИК, т. е. тем большей устойчивостью эта ИК обладает. Необходима классификация ИК, основанием которой является какое-л. понятие, концепт – ‘человек’, ‘Бог (Христос)’, ‘жизнь’ и ‘смерть’, ‘страдание (боль, болезнь)’, ‘любовь, страсть’ (либидо), ‘безумие, сумасшествие’, ‘страх’, ‘смех’, ‘Россия и русские’, ‘добро’ и ‘зло’, ‘вина’ и ‘совесть’, ‘спасение’, ‘нигилизм’ и ‘революция’, ‘деньги’ и др. Оценочные суждения – как самого Достоевского, так и какого-либо его произведения или героя – объединяются в отдельную группу ИК (оценка). Вполне естественно то, что одна ИК может относиться к нескольким группам, то же самое происходит, скажем, с единицами семантических полей и – шире – с единицей любой системы.

Приведем некоторые примеры (фамилия «Достоевский» при формулировке ИК по возможности опускается):

‘ЧЕЛОВЕК’

- (1) Изучение человека – главная тема творчества Достоевского^{к,ф}
- (2) Человек Достоевского ощущает чувство собственной важности^к

‘БОГ (ХРИСТОС)’

- (1) Православный писатель, богоискательство – основная тема его творчества^к
- (2) В произведениях Достоевского действуют трансцендентные силы^к
- (3) Достоевский доказывает, что без Бога всё дозволено^к

‘ДОБРО’ И ‘ЗЛО’

- (1) Зло может быть позитивным и плодотворным^к
- (2) Человеком движет страсть к постижению зла (сатаноидея Ивана)^к
- (3) Главной силой зла у Достоевского выступает женщина^к

‘СТРАДАНИЕ’ (‘БОЛЬ’, ‘БОЛЕЗНЬ’)

- (1) Все герои Достоевского в той или иной степени больны^к
- (2) Любил смерть, страдание больше, чем жизнь^к
- (3) Достоевский изображает бедных и слабых^{к,у}
- (4) Для Достоевского важна тема насилия^к
- (5) Достоевский – душа женщины в оболочке русского мужика^к
- (6) Страдание в русском мире объединяет людей^к
- (7) Болезнь Достоевского – ключ к его творчеству^к

‘СУМАСШЕСТВИЕ, БЕЗУМИЕ’

- (1) Страдал психическими расстройствами, поэтому был «особенным»^ф
- (2) Достоевский – сумасшедший^з

‘ЛЮБОВЬ, СТРАСТЬ’ (ЛИБИДО)

- (1) Все поступки героев обусловлены либидо^к
- (2) Русский Фрейд^ф
- (3) Эротизм – главный ключ к духовным тайнам Достоевского^к

‘РОССИЯ И РУССКИЕ’

- (1) Не любил никого из представителей других наций^к
- (2) Без Достоевского невозможно понять Россию и русский характер^{к,ф}

‘ВИНА’ И ‘СОВЕСТЬ’

- (1) Искупление – спасение себя ради других^к
- (2) Чувство виновности человека – самое положительное из всех переживаний^к

‘НИГИЛИЗМ’ И ‘РЕВОЛЮЦИЯ’

- (1) Революция – дело рук «сладострастников», «бесов»^к

‘ПРЕСТУПЛЕНИЕ’

- (1) Создал универсальный образ преступника^ф
- (2) Если вы захотите совершить убийство, прочтите «Преступление и наказание»^з

‘ИНФЕРНАЛЬНОЕ’ И ‘ТАИНСТВЕННОЕ’

- (1) Изучал inferнальное^ф
- (2) Интересовался сверхъестественным^ф

ОЦЕНКА

- (1) Талантливый, но жестокий писатель^к
- (2) Понял суть жизни, он гений^{к,ф,з}
- (3) Произведения Достоевского страшные^{ф,з}
- (4) «Преступление и наказание» – главный роман Достоевского^{к,м,и,з}
- (5) Роман «Преступление и наказание» известнее, чем сам Достоевский^з
- (6) Роман «Преступление и наказание» сильно влияет на жизнь^з
- (7) После прочтения «Преступления и наказания» мучают страшные сны^з
- (9) Многие китайцы представляют себя на месте героев Достоевского^з
- (9) Ставрогин пытается спастись от небытия^к
- (10) Ставрогин – «творение» Верховенского^к
- (11) «Преступление и наказание» можно рекомендовать в качестве лекарства от бессонницы^{з,ф}
- (12) Осилит Достоевского только потому, что это классика^з
- (13) [О романе «Идиот»] То я тебя люблю, то ненавижу, то люблю, то ненавижу – тошнит от всего этого!^з
- (14) Не читал, но не люблю^з

РАЗНОЕ

- (1) Биография Достоевского нашла прямое отражение в его творчестве^к
- (2) Много написал, сидя в тюрьме^ф
- (3) Борец за справедливость, социальное равенство^ф
- (4) Писатель, который доверял языку^к

Что может дать выделение такого рода интерпретационных констант? По меньшей мере следующее: 1) систематизация имеющегося материала, касающегося рецепции текстов Достоевского инофонами; 2) сравнение ключевых особенностей восприятия текстов Достоевского в России и в других странах; 3) прогнозирующая ценность – определение возможных тенденций развития достоевистики, если здесь вообще имеет смысл говорить о каком-либо развитии.

В статье представлены лишь общие подходы к исследованию поставленной проблемы, намечены базовые положения о возможностях систематизации материала, конкретизация этих подходов будет проведена в последующих статьях: вторая статья цикла будет посвящена интерпретационным константам, выявляемым на материале художественных фильмов, телесериалов и театральных постановок, третья – учебников русского языка для иностранцев, комиксов, мемов, компьютерных игр и экспериментальных данных, четвертая – литературно-критических работ, отзывов политиков, писателей, религиозных деятелей, высказавших свое мнение о Достоевском.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Достоевский Ф.М.* Ряд статей о русской литературе // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 19. Л.: Наука, 1979. 360 с.
2. Достоевский во Франции: защита и прославление русского гения. 1942–2021 / С.Л. Фокин, О.Е. Волчек, Л.А. Дмитриева, А.Н. Таганов, В. Фейбуа; под ред. С.Л. Фокина. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 432 с.
3. *Зенкевич И.В.* Достоевский в учебниках русского языка для американцев // Язык и текст. 2020. Т. 7. № 1. С. 101–108.
4. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. 4-е изд. М.: УРСС, 2004. 261 с.
5. *Караулов Ю.Н.* Об «Идиоглоссарии Достоевского» // Мир русского слова. 2006. № 4. С. 40–45.
6. *Лосев А.Ф.* Философия имени. М.: Академический проект, 2009. 300 с.
7. *Новикова Е.Г.* Ф.М. Достоевский в японских комиксах // Текст. Книга. Книгоиздание = Text. Book. Publishing: Научно-практический журнал. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2019. № 19. С. 75–94.
8. *Рубакин Н.Н.* Психология читателя и книги. М.: Книга, 1977. 264 с.
9. *Ружицкий И.В.* Презумпция негативной оценки в восприятии России и русских инокультурной языковой личностью // Русское слово в русском мире 2008: Россия и русские в восприятии инокультурной языковой личности / Под ред. И.В. Ружицкого, Ю.Н. Караулова, О.В. Евтушенко. М.: ЦП «Васиздаст», 2008. С. 5–21, 196–229.
10. Феномен Достоевского. Западные исследования творчества писателя. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2019. 720 с.
11. *Швейцер А.* Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. 337 с.

ИСТОЧНИКИ

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

1. *Арбан Д.* Состояние безумия в первых повестях Достоевского // Записки русской академической группы в США. Vol. XIV. New York: Association of Russian American scholars in the U.S.A., 1981. С. 26–43.
2. *Вогюе Э.М. де.* Современные русские писатели. Толстой–Тургенев–Достоевский. М.: Изд-е В.М. Маракуева, 1887. С. 60, 72, 73.
3. *Киносита Т.* Восприятие и изучение творчества Достоевского в Японии за последние 40 лет в свете истории восприятия творчества писателя с конца XIX в. // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 20. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 194–220.
4. *Кристева Ю.* Силы ужаса: эссе об отвращении / Пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2003. 256 с.
5. *Накамура К.* Словарь персонажей произведений Ф.М. Достоевского. СПб.: Гиперион, 2011. 400 с.
6. *Хорват Г.* Поэтика апокалипсиса в романах «Бесы» Ф.М. Достоевского и «Меланхолия сопротивления» Л. Краснахоркаи // Через «чужое» к «своему»: диалог русской и венгерской культур: монография / Под ред. М.А. Лаппо, В.В. Мароши. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2023. С. 147–173.
7. *Чанцев А.* Русская литература на рандеву-2: www.peremenu.ru/blog/18141 (дата обращения: 06.05.2024).
8. *Чжао Хун, Дубкова О.В.* Перевод и исследования творчества Ф.М. Достоевского в Китае в XXI веке // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 671–686.

9. *Catteau J.* La création littéraire chez Dostoïevski. Institut d'études slaves, 1978. 609 p.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФИЛЬМЫ И ТЕЛЕСЕРИАЛЫ

«Иррациональный человек», 2015; «Генри и Джун», 1990; «451 градус по Фаренгейту», 2018; «Пережить желание», 1992; «Пляжный психоз», 2000; «Чужая кровь», 1984; «Предатель», 1986; «Любовь и смерть», 1975; «Иррациональный человек», 2015; «Карманник», 1959; «Соперница», 2008; «Невероятные приключения Уоллеса и Громита», 1995; «Отчаянные домохозяйки», 2005; «Матч-пойнт», 2005; «Как избежать наказания за убийство», 2014; «Воспоминания об убийстве», 2014; «Механик», 2004; «Мадам Сузацка», 1988; «Лодыри», 2015; «Механик», 2004; «Я вам не негр», 2016; «Когда ты в последний раз видел своего отца?», 2007; «Милосердие», 2009; «Братья Блум», 2008; «Честный», 2000; «Нью-Йорк, я люблю тебя», 2009.

КОМИКСЫ, МАНГА, КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ

1. Братья Карамазовы / Variety Art Works; пер. с яп. Екатеринбург: Фабрика комиксов, 2014. 384 с

2. Преступление и наказание / Тэдзука Осаму; пер. с яп. Екатеринбург: Фабрика комиксов, 2010. 176 с.

3. Преступление и наказание: роман-комикс / Ф.М. Достоевский, адапт. Дэвид Зейн Мейровиц; пер. с англ. С. Долотовской; худ. Ален Коркос. М.: АСТ, 2014. 128 с.

4. Crime and Punishment: A Falsified Romance (罪と罰 A Falsified Romance, Tsumi to Batsu: A Falsified Romance). 2007, 2011, 2012.

5. «Sherlock Holmes: Crimes & Punishments», 2014.

6. Crime and Punishment: A graphic novel / Dostoevsky. Alain Konkos and David Mairowitz. London: Self Made Hero, 2008. 128 p.

REFERENCES

1. Dostoevsky F.M. Series of Articles on Russian Literature. In: Dostoevsky F.M. Complete Works: In 30 vols. Vol. 19. Leningrad. Nauka Publ. 1979. 360 p.

2. Dostoevsky in France: The Defense and Glorification of the Russian Genius. 1942–2021 / S.L. Fokin, O.E. Volchek, L.A. Dmitrieva, A.N. Taganov, V. Feibua; ed. by S.L. Fokin. Moscow. Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. 2022. 432 p.

3. Zenkevich I.V. Dostoevsky in Textbooks of the Russian Language for American Students. *Language and Text*. 2020. Vol. 7. No 1, pp. 101–108.

4. Karaulov Yu.N. (2004) Russian Language and Linguistic Identity. 4th ed. Moscow. URSS Publ. 261 p.

5. Karaulov Yu.N. About “Dostoevsky’s Idioglossary”. *World of the Russian Word*. 2006. No 4, pp. 40–45.

6. Losev A.F. (2009) The Philosophy of the Name. Moscow. Academicheskyy Proect. 300 p.

7. Novikova E.G. F.M. Dostoevsky in Japanese comics. In: Text. Book. Book Publishing = Text. Book. Publishing: Scientific and Practical Journal. Tomsk: Publishing House of the Tomsk State University, 2019. No 19, pp. 75–94.

8. Rubakin N.N. (1977) Psychology of a Reader and of a Book. Moscow. Kniga Publ. 264 p.

9. Ruzhitsky I.V. The Presumption of a Negative Assessment in the Perception of Russia and Russians by a Foreign Cultural Linguistic Identity]. In: Russian Word in Russian World 2008: Russia and Russians in the perception of a foreign cultural linguistic identity / Ed. by I.V. Ruzhitsky, Yu.N. Karaulov, O.V. Yevtushenko. M.: Central Committee “Vasizdast”, 2008. pp. 5–21, 196–229.

SOURCES

LITERARY AND CRITICAL WORKS

1. Arban D. The State of Madness in the First Stories of Dostoevsky. In: Notes of the Russian Academic Group in the USA]. Vol. XIV. New York. Association of Russian American scholars in the U.S.A. Publ. 1981, pp. 26–43.
2. Vogue E.M. de. (1887) Modern Russian Writers. Tolstoy – Turgenev – Dostoevsky. Moscow Publishing House of V.M. Marakueva. P. 60, 72, 73.
3. Kinoshita T. Perception and Study of Dostoevsky's Work in Japan over the Past 40 years in the Light of the History of Perception of the Writer's work since the end of the 19th century. In: Dostoevsky: Materials and Studies. Vol. 20. St. Petersburg. Nestor-Istoria Publ. 2013. pp. 194–220.
4. Kristeva Y. (2003) The Powers of Horror: An Essay on Aversion] / Transl. from French. St. Petersburg. Aleteya Publ. 256 p.
5. Nakamura K. (2011) Dictionary of Characters in the Works of F.M. Dostoevsky. St. Petersburg. Hyperion Publ. 400 p.
6. Horvath G. The Poetics of the Apocalypse in the Novels "Demons" by F.M. Dostoevsky and "Melancholy of Resistance" by L. Krasnakhorkai. In: Through "chuzhoe" to "svoemu": the dialogue of Russian and Hungarian cultures: A monograph] / Ed. by M.A. Lappo, V.V. Maroshi. Novosibirsk. Publishing House of the National Pedagogical University. 2023. pp. 147–173.
7. Chantsev A. Russian Literature at the Rendezvous-2: www.peremeny.ru/blog/18141 (date accessed: 05.06.2024).
8. Zhao Hong, Dubkova O.V. Translation and Studies of F.M. Dostoevsky's Creative Works in China in the 21st century. *Communication Studies*. 2021. Vol. 8. No 4. pp. 671–686.
9. Catteau J. (1978) La création littéraire chez Dostoïevski. Institut d'études slaves. 609 p.

FEATURE FILMS AND TV SERIES

"Irrational Man", 2015; "Henry & June", 1990; "Fahrenheit 451", 2018; "Surviving Desire", 1992; "Psycho Beach Party", 2000; "Le sang des autres", 1984; "The Whistle Blower", 1986; "Love and Death", 1975; "Pickpocket", 1959; "Tenure", 2008; "The Incredible Adventures of Wallace & Gromit", 1995; "Desperate Housewives", 2005; "Match Point", 2005; "How to Get Away with Murder", 2014; "Gapdongi", 2014; "The Machinist", 2004; "Madame Sousatzka", 1988; "Quitters", 2015; "I Am Not Your Negro", 2016; "And When Did You Last See Your Father?", 2007; "Mercy", 2009; "The Brothers Bloom", 2008; "Honest", 2000; "New York, I Love You" (2009).

COMICS, MANGA, COMPUTER GAMES

1. The Brothers Karamazov / Variety Art Works; Transl. from Japanese. Yekaterinburg. Comics Factory. 2014. 384 p.
2. Crime and Punishment / Tezuka Osamu; Transl. from Japanese. Yekaterinburg. Comics Factory. 2010. 176 p.
3. Crime and Punishment: A comic novel / F.M. Dostoevsky, adapt. David Zane Meyrowitz; Transl. from English by S. Dolotovskaya. Moscow. AST Publ. 2014. 128 p.
4. Crime and Punishment: A Falsified Romance (罪と罰 A Falsified Romance, Tsumi to Batsu: A Falsified Romance). 2007, 2011, 2012.
5. «Sherlock Holmes: Crimes & Punishments», 2014.
6. Crime and Punishment: A Graphic Novel / Dostoevsky. Alain Konkos and David Mairowitz. London. Self Made Hero. 2008. 128 p.

Сведения об авторах:

Игорь Васильевич Ружицкий,
доктор филол. наук
доцент
Институт русского языка
имени В.В. Виноградова РАН

Igor V. Ruzhitsky,
Doctor of Philology
Associate Professor
V.V. Vinogradov Russian Language Institute
RAS

konnitie@mail.ru

Потёмкина Екатерина Владимировна,
канд. пед. наук
ст. преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina V. Potemkina,
PhD
Senior Lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

kpisareva@yandex.ru